

ЛЕГЕНДА

НЕИЗМЕННАЯ ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ

В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ ФРУНЗЕ МКРТЧЯНУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 90 ЛЕТ

Чародей сцены и экрана. Легенда. Кумир молодежи. Рядом с именем Фрунзе Мкртчяна эти метафоры не нуждаются в кавычках, потому что с ним сливаются безраздельно и не кажутся стертыми от времени, потому что по отношению к нему они оказываются поразительно точными.

образы, они словно стоят над действительностью, чуть-чуть, но «над». И в этом умении Мкртчяна заключалось чудесное обаяние его искусства. Так, Армен из фильма «Мимино» сконструирован актером из множества ярких наблюдений над острословами родного Гюмри.

выдумывать любые небывлицы, импровизировать. Кстати, в картине много кусков, которых не было в сценарии, не было сначала и героя-армянина. Был Мимино и кавказский русский. Но пара получилась не совсем правдоподобной, и начался разговор о выборе другого актера. И вот тогда

было истинным счастьем. Когда он оказывался рядом, даже начинающие актеры чувствовали прилив сил, работали с большей уверенностью. В работе он проявлял себя великим товарищем.

В небольшом документальном фильме-этюде из цикла «Деятели армянского кино» (ав-

Давно нет в театре тех спектаклей, в которых играл Фрунзе, завораживая зрителей (хотя фильмы с его участием, к счастью, мы нередко видим с телеэкрана). Изменилось время, другие актеры выходят на сцену. Необыкновенная, на протяжении десятилетий, любовь, которой он был окружен так беззаветно, продолжает жить в нас, волнуя следующее поколение. Наше смутное и стремительное время не отодвигает его в прошлое, а придает ему единственный, новый смысл. И он всегда остается неизменной единицей измерения.

Вместе со всем тем, что вызывает в нашем сознании образ его величия: какая человеческая простота, какое чувство юмора, радость жизни, какая наивность и непосредственность!

Мы множество раз видели Фрунзика на сцене Сундукяновского театра, на экране. Увидев раз, забыть его было невозможно. Его глаза, печальные и бездонные, руки, вся его фигура способны были выражать состояние человека лучше всяких слов. Он был Артистом с головы до пят. Поэтому у него было много друзей по всему свету, людей, для которых его искусство олицетворяло радость, надежду, добро.

Многочисленные встречи с Фрунзиком подтверждали истину: художник сам по себе личность, его искусство — это загадка сродни тайне творения, но ключа к ней не дающая. В годы, когда он работал, в нашем кино и театре было немало ярких актеров. Но именно ему удалось стать символом целого поколения. Почему созданные им образы переросли национальные границы, а популярность приобрела особый масштаб и рукоплескания в Москве или Тбилиси, в Варшаве или Лос-Анджелесе были не менее восторженными и сердечными, чем в Ереване? В чем был секрет его актерской популярности? Казалось бы, никаких признаков звездного героя — ни яркой мужской красоты, ни белозубой улыбки, ни волевого подбородка. Не очень высокий рост, великоватый нос — объект его постоянных шуток, печальные глаза... А секрет как раз в том, что он был единственный в своем роде. Во все, что он делал на сцене, он вкладывал свое сердце, благородство, вызывая добрые чувства в тех, кто был непосредственным свидетелем его игры.

Те, кто впервые видели Фрунзе вне сцены, говорили о нем: какой простой, какой скромный... Те, кто знакомился с ним ближе, знали: он не был ни таким простым, ни таким скромным. В своем творчестве, в своей повседневной жизни он был человеком сложным, требовательным, восприимчивым, благородным, ироничным, искренним — разным!

Больше, чем кто-либо, Фрунзе не укладывался в какие бы то ни было рамки. Он был призмой с тысячами граней, и казалось, что весь он целиком существует в каждой из них. В творческом порыве эти грани объединялись,

чтобы обрести внутреннее единство.

Его герои — и в кино, и в театре — все остались в памяти: от Сагателя в спектакле «Из-за чести» Ширванзаде, Хлестакова в «Ревизоре», Труфальдино в «Слуге двух господ» до Багдасара-ахпара, Казара («Казар идет на войну»), Армена (фильм «Солдат и слон»), Сирано...

Одинаково убежденно и страстно он играл добрых и злых, молодых и старых, коварных и преданных — разве это не говорит о высочайшем уровне актерского мастерства! Кажется, в Мкртчяне жили несколько человек, которые легко и органично сменяли друг друга. Но это кажущаяся легкость. Тем, кто не знает, с каким трудом связано это перевоплощение, как с годами шлифуется каждая грань характера, каждый раз по-новому коду, шифр которого никому не известен.

Когда Фрунзик выходил на сцену, все преображалось. Его слова со сцены звучали так искренне, что все невольно проникались уверенностью в богданности таланта. Оказывается, несложно быть актером. Выйти, говорить, плакать, не подавая вида, что ты делаешь вид... Такая свежесть выразительных средств, такая их зрелость и естественность могут быть лишь даром свыше.

Ему были подвластны все регистры выразительности, и он с легкостью вплетал в свои роли лирические, драматические, комедийные мотивы, достигая предельной эмоциональной насыщенности. Отсюда и один из самых прекрасных феноменов искусства — иллюзия отождествления героя с актером, исполнителем роли. Это происходило от его удивительной, редкой артистичности. Физические данные были будто специально приспособлены к его игре.

Его образы в кино очень простые, но полны редкого жизненного. Это не приземленные

появился Фрунзик. В нем бурлила какая-то удивительная склонность к розыгрышам. Признаться, я «розыгрывателей» не люблю. Они обычно с веселым ржанием обижают человека, но от милых розыгрышей Фрунзика, веселых и беззаботных, сами «жертвы» приходили в телачий восторг.

У музыканта должен быть абсолютный слух, у актера — абсолютное чувство правды. Этим качеством Фрунзе обладал в полной мере, поэтому в его ролях могут быть места менее удачные, менее совершенные, но фальшивых нет. Безотказная интуиция помогла ему безошибочно отличить погоню за правдоподобием от глубокой правды искусства.

— Он был рожден для театра, — говорил Хорен Абрамян. — Он излучал какой-то внутренний свет. Играть с таким талантливым партнером, как Фрунзик,

торы — Гурген Гадачик и Армен Ватъян) показаны репетиции последнего спектакля «Жена пекаря», поставленного в театре Мкртчяна, где он сыграл главную роль. В это время актер уже был тяжело болен. В кадрах он расставляет актеров по сцене, подает команды, что-то объясняет. Поразительно его лицо: необыкновенно подвижное, оно выражает то изумление, то сосредоточенность, то просьбу, то ужас, то освещается чистой, как у ребенка, радостью. В конце фильма в душу западает его прощальный взгляд на мир, который он так любил, и мы уже не видим его лица, а только глаза — улыбающиеся, но словно желающие скрыть что-то важное. А может, это только показалось?

...Однажды я навестила его в больнице. Фрунзик тут же с присущим ему артистизмом посмеялся над собственной болезнью, рассказал несколько курьезов. Можно было подумать, что он просто вживается в новую роль.

Фрунзик не был чужд славе. Но ему ненавистно было положение «звезды». Это была не рисовка, не кокетство, не показная скромность. Он глубоко чувствовал необходимость быть живым среди живых, а не «идолом» в лучах прожекторов. Он был всеобщим, по-настоящему народным любимцем, но прежде всего хотел быть Человеком.

Как-то я встретила Фрунзика около СТД на проспекте Маштоца. Как всегда, он куда-то спешил. Слегка кивнув и улыбнувшись мне, он шагнул с тротуара на проезжую часть улицы, поднял руку и... остановил движение. Все водители, как по команде свыше, затормозили и распахнули дворцы машин...

Наталья ГОМЦЯН

